

Е.А. Токарева

Российская художественная интеллигенция и власть: некоторые вопросы теории и истории исследований

В статье анализируются некоторые теоретические и методологические вопросы изучения взаимоотношений отечественной художественной интеллигенции и власти. Подчеркивается необходимость серьезного научного анализа механизмов социально-культурной модернизации в истории России, установления связи между развитием гражданского общества и становлением интеллектуальных профессий в практическом поле гражданской и творческой публичности.

Ключевые слова: социально-культурная модернизация; самосознание; самоидентификация и ценностные ориентиры художественной интеллигенции; гражданская и профессиональная идентичность интеллигенции.

Тема взаимоотношения российской художественной интеллигенции и власти давно является одной из излюбленных в отечественной и зарубежной историко-философской мысли. Сложность, неоднозначность, а во многих случаях и полярность оценок, заставляют исследователя обращаться и к истории, и к теории вопроса. Следует отметить, что при кажущемся многообразии и обилии существующих публикаций исследователь, по сути, сталкивается с малоизученным теоретическим пространством, да и сами процессы взаимодействия, взаимоотношения и взаимовлияния художественной интеллигенции и власти на различных исторических этапах их существования описаны чрезвычайно поверхностно и фрагментарно¹.

Думается, что одной из важных в этом направлении выступает задача определения интеллигенции, в том числе и художественной, как субъекта исторического действия, т. е. научного определения ее как части социальной структуры российского общества XIX–XX веков². Существующий разброс мнений специалистов в этом вопросе отражает, прежде всего, специфическую природу этого социально-го феномена в истории российского государства и общества.

Крайне запутанной и сложной для исследователя видится проблема классификации понятий: интеллигент, работник умственного труда, носитель

¹ На это обстоятельство указывают почти все авторы такого научного направления, как интеллигентоведение. Здесь, конечно, имеются в виду не только историки, но и социологи, философы, политологи и другие представители гуманитарного знания.

² Представляется, что понятие «интеллигенция» (как, впрочем, и само явление) в действительности применимо к истории России периода второй половины XIX–XX веков.

и генератор духовных ценностей, интеллектуал, «соль земли», «совесть народа»; и далее — интеллигенция творческая и художественная, гуманитарная и научная, научно-техническая и литературная, педагогическая, врачи, учительство, театральные деятели и т. д. В таком виде терминология часто выглядит абсурдной, хотя понятно, что здесь совокупные признаки интеллигенции выстраиваются по двум критериям: духовному (морально-этическому) и социальному (статус, профессиональная принадлежность и т. д.). Возможно, обществоведы и историки пока не находят достойную вербальную форму для понятия «интеллигенция». Это обязывает исследователя в каждом конкретном случае наполнять термин собственным содержанием и толкованием, придерживаясь в то же время рамок определенного подхода (социологического, исторического, культурологического и др.), и рассматривать историю российской интеллигенции в контексте определенных исторических событий. Действительно, произвольное хронологическое применение термина «интеллигенция» не просто отрывает его от исторической среды появления, но и не позволяет вести конкретный научный анализ (см. [23: с. 310]).

Так, в одной из своих статей М.Л. Гаспаров, рассуждая об определении интеллигенции применительно к России второй половины XIX – начала XX века, заметил, что когда западные историки, привыкшие к тому, что их интеллектуалы исправно служат обществу и государству, стараются понять, в чем особенность русской интеллигенции, то определяют ее приблизительно так: «это слой общества, воспитанный в расчете на участие в управлении обществом, но за отсутствием вакансий оставшийся со своим образованием не у дел». Отсюда и оппозиционность: «когда тебе не дают места, на которое ты рассчитывал, ты, естественно, начинаешь дуться». Выявляя особенности русской действительной жизни, которые породили такое явление, как интеллигенция, автор предположил, что непрофессиональная и аморфная власть в России требовала не специалистов, а универсалов, способных действовать в непредсказуемых и случайных условиях. «Действительно, русская интеллигенция была похожа на западных интеллектуалов, посаженных в русскую казарму», — замечает М.Л. Гаспаров. В силу исторической неприятности (монополярная власть в России никогда не желала идти на уступки) оппозиционность поневоле стала постоянной ролью одного и того же общественного слоя — интеллигенции, — принципиально не вовлекаемого в политику (см. [6: с. 10–14]).

Кроме того, время появления интеллигенции на исторической арене России совпало со временем появления буржуазной идеологии, буржуазного национализма и культуры разночинцев — здесь кроются «психологические» корни долга интеллигенции перед народом.

Рассуждая о феноменологии русской интеллигенции, исследователь И.В. Кондаков отметил ее способность к саморефлексии, выявлению внутренних противоречий в самой себе, что очень осложняло ее собственную жизнь, собственное самосознание и самореализацию в деятельности и в культурном творчестве. «Принадлежность к интеллигенции в разные культурно-исторические эпохи была

престижна по-своему, но исключительно в смысле духовного и нравственного превосходства над другими слоями и классами общества, — замечает И.В. Кондаков, — ни социально-политических, ни экономических, ни властных привилегий причастность к интеллигенции никогда не давала, хотя стимулом для пополнения рядов ее продолжала являться даже тогда, когда наименование интеллигенции было равносильно политической неблагонадежности или оппозиционности властям, а ее материальное положение было, по сравнению с другими социальными группами, просто плачевным» [13: с. 72–73].

Смысл духовной избранности интеллигенции, как специфического явления российской действительности, традиционно в отечественной историографии объясняется тем обстоятельством, что социальная дифференциация российского общества и разложение сословно-классовой структуры феодального типа привели к утрате некоторыми сословиями и классами в России своих социальных границ, а вслед за ними — смысловых (ценностных). Появились «размытые» или маргинальные группы общества, не всегда способные осмыслить и словесно оформить свою систему ценностей, свой сознательный протест или свое мировоззрение, выраженные в том числе в достижениях творческой мысли или в произведениях искусства. Эту функцию и брала на себя интеллигенция. Другим условием духовного мессианства интеллигенции в России, по мысли большинства исследователей, выступало традиционное, наивно-просветительское представление общества о поступательном характере экономического и политико-культурного развития в целом, что само по себе вело к появлению различных политико-философских, религиозно-нравственных и художественно-эстетических идей, продуцируемых деятелями культуры, мыслителями, творческой элитой. Это объясняет притязания интеллигенции на выражение высшего нравственного и историко-этического смысла действительности, на понимание народной совести и воли, на духовное и творческое сподвижничество.

Среди специалистов есть мнение, что интеллигенция как субъект исторического действия — это определенная мифологема, отчасти придуманная самой интеллигенцией и поддерживаемая ею в научном сознании до сегодняшнего дня. В такой трактовке интеллигенция чаще всего понимается как временная социокультурная группа, некая духовная элита общества, самоопределяющаяся извне и изнутри, формирующая определенные стандарты и ценности общества в конкретно-исторический момент (см., например: [3; 22]). В рамках этого подхода кажется весьма интересной попытка некоторых авторов определять главную функцию интеллигенции как «экспертную» (выработка точных идеологических схем, концепций, теорий, религий, которые могут значительно влиять на существующую картину мира и которые власть представляет населению как ядро «общенациональной культуры») (см., например: [9; 12; 15; 24]).

Важно отметить тесную, органическую связь социальных мифов и политических иллюзий самой интеллигенции, которая никогда не была политически или идейно однородной, но всегда, во всей своей массе была склонна и к социальной мечтательности, и к революционности в своих взглядах на общество,

возможные пути его обустройства. Это порой рождало идеи в самых крайних выражениях, в том числе и художественных.

Верно, что история российской интеллигенции не существует вне истории российской государственности, ее элементов и властных традиций, так же, как она не существует вне социокультурного контекста эпохи. Очевидно и то, что ярко выраженная «позиция» отечественной художественной интеллигенции во второй половине XIX–XX веков (ценностная доминанта, которая и вырабатывалась ею самой)³ определялась тесным взаимодействием с властью и часто позиционировалось самой властью.

Вообще изучение истории художественной интеллигенции России XIX–XX веков невозможно без серьезного научного анализа процессов модернизации, которые происходили в обществе. Конфликт между традиционной культурой и надвигающимися преобразованиями (зачастую, революционными) приобретал почти системный характер. Самосознание российской интеллигенции также испытывало на себе силу этого конфликта. Традиционное мироощущение, новые радикальные идейно-политические концепции и конструктивные инновации приводили к разрушению самосознания интеллигенции, к потере прежних ценностных и эстетических ориентиров и к появлению новых [18: с. 51].

«Новые» ценности рождались в мировоззренческом сознании «старой» интеллигенции и совпадали с социально-психологическими, эмоциональными ожиданиями общества и ожиданиями нового сильного государства. О механизмах появления социально-психологических и психоэмоциональных ожиданий в российском обществе в условиях протекания революционных процессов и имперских кризисов написано немало в отечественной исторической науке (см.: [2; 5; 12; 15; 17; 19; 20]). Именно поэтому изучение проблем взаимоотношений власти и интеллигенции, в том числе художественной, требует, прежде всего, исследований в контексте конфликта ценностей в самом российском обществе в условиях конкретной эпохи.

Историческая «среда обитания» диктовала интеллигенции парадигмы поведения и правила обустройства жизни. Расширение этого пространства, появление новых социально-психологических и художественно-эстетических полей позволяли сложиться новой системе ценностей, новым механизмам формирования или крушения профессиональных, гражданских или нравственных репутаций [14: с. 31]. Как и почему это происходило — вот вопросы, которые стали наиболее перспективными для специалистов конца XX века в изучении проблем взаимоотношения отечественной художественной интеллигенции и власти⁴.

³ Здесь и далее имеется в виду национальное самосознание, генерируемое интеллигенцией в качестве базисной основы существования государства как института.

⁴ На это впервые обратили внимание участники научной конференции «Роль русской интеллигенции в формировании картины мира», проведенной еще в 1997 году научным советом по истории мировой культуры РАН совместно с Институтом искусствоведения Министерства культуры РФ. (По результатам конференции были опубликованы «Культурологические записки Вып. 4: Роль интеллигенции в формировании картины мира» (М., 1998)).

Поначалу эти проблемы решались в общем пространстве гуманитарного знания философами и культурологами, социологами и психологами (см.: [1; 4; 14; 21; 25; 26 и др.]), а позднее обращение к «теории идентичности» обрело своих последователей в конкретных исторических исследованиях (см.: [7; 9; 10; 11; 16]).

Наиболее удачный и интересный подход для решения подобных историографических задач предложили авторы сборника «Гражданская идентичность российской интеллигенции в конце XIX – начале XX века», которые «увязали» изучение гражданской идентичности с контекстом формирования профессиональных групп российской интеллигенции в этот период, выявляя различные аспекты самосознания интеллигенции: ценностные и эстетические, символические и коммуникативные. Изучение профессиональных и активистских групп населения, сформировавшихся в России во второй половине XIX – начале XX века, с точки зрения авторов позволяет по-новому интерпретировать и само понятие «интеллигенции», и перспективы развития гражданского общества в Российской империи. Отстранившись от ставших классическими дискуссий об отсутствии социальной базы и «потерянном среднем классе», на конкретно-историческом материале авторы обнаружили тесную связь генезиса гражданского общества и становления интеллектуальных профессий, легального активизма и периода «расцвета» российской интеллигенции: ориентированность на публичность, эгалитарность, достижительность, идеалы общественного блага, самоценность и индивидуальную ответственность личности [8: с. 20–21]. По мнению одного из авторов сборника, Н.А. Проскураковой, «в дореволюционной России интеллектуальная элита, с одной стороны испытывала сильное влияние традиционно-религиозных ценностей всего общества, из разных сословных страт, в которых она формировалась, с другой стороны, интеллектуальное меньшинство активно осваивало и усваивало западноевропейские ценности (гражданские права и свободы, выборное представительство, конституция, развитое правосознание, рационально мотивированная общественная дисциплина, социальная ответственность и инициатива), стремясь соединить их с базовыми компонентами российской культуры... Происходило становление личности нового типа, органично сочетавшей профессиональные и гражданские ценности» [8: с. 288–290]. Сказанное в полной мере можно отнести к художественной интеллигенции России.

Смысловое наполнение термина «интеллигенция» не может быть одинаковым, например, применительно к России начала прошлого века и его конца, поскольку компоненты ментальности, социальная практика, социальные отношения в пространстве идентичности слишком различны, хотя и могут иметь сходную природу или тенденцию развития. Тем самым острота дискуссии вокруг понятия «интеллигенция», вокруг исследований о взаимоотношениях интеллигенции с российской властью на протяжении XIX–XX веков сохраняется. Очевидно, что новое качественное состояние современной исторической науки, наработанные подходы к осмыслению прошлого, современные методы работы с источниками, сама расширяющаяся источниковая база, позволяют определить теоретическое и практическое поле будущих исследований.

Представляется, что исследовательское поле современного интеллигентоведения может получить новый импульс развития в пространстве «теории гражданской и духовной идентичности».

Литература

1. Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в западной психологии // Вопросы психологии. 1999. № 1. С. 131–143.
2. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005. 446 с.
3. Баженова Е.Ю., Орлов С.Б. Мифологема интеллигенции: генезис и современное состояние // Интеллигенция России в конце XX века: система духовных ценностей в исторической динамике: мат-лы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 1998. С. 23–25.
4. Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами идентичности // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, журнал «Ab Imperio», 2010. С. 143–157.
5. Булдаков В.Л. Имперство и российская революционность (Критические заметки) // Отечественная история. 1997. № 2. С. 31–39.
6. Гаспаров М.Л. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Русская интеллигенция. История и судьба. М.: Наука, 2000. С. 5–13.
7. Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2007. 304 с.
8. Гражданская идентичность российской интеллигенции в конце XIX – начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2013. 296 с.
9. Гражданское общество: теория, история, современность. М.: Издательство Института социологии РАН, 1999. 165 с.
10. Гражданское общество России: перспективы XXI века. СПб.: НИИХ СПбГУ, 2000. 264 с.
11. Гражданское общество: истоки и современность / под ред. И.И. Кального, И.Н. Лопушанского. СПб., 2002. 492 с.
12. Зимина В.Д. Интеллигенция в политических процессах России начала XX века. Волгоград: Изд. Волгоградской академии гос. службы, 1999. 101 с.
13. Кондаков И.В. К феноменологии русской интеллигенции // Русская интеллигенция. История и судьба / сост. Т.Б. Князевская. М.: Наука, 2000. С. 63–90.
14. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 29–37.
15. Марасинова Е.Н. Власть и личность (Очерки русской истории XVIII века). М.: Наука, 2008. 458 с.
16. Модели общественного переустройства России. XX век / под ред. В.В. Шелохаева. М.: Наука, 2004. 607 с.
17. Модернизация России и конфликт целостностей. М.: Институт философии РАН, 1994. 157 с.
18. Набокина М.Е. Структурные и организационные особенности Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2013. № 1 (11). С. 50–56.
19. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М.: Изд. Московского университета, 1999. 367 с.

20. Русская интеллигенция. История и судьба / сост. Т.Б. Князевская. М.: Наука, 2000. 423 с.
21. *Симонова О.А.* К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 17–24.
22. *Соколов К.Б.* Мифы об интеллигенции и историческая реальность // Русская интеллигенция. История и судьба / сост. Т.Б. Князевская. М.: Наука, 2000. С. 149–208.
23. *Токарева Е.А.* Интеллигенция и власть в России. Основные подходы к изучению // История государства Российского: истоки, процессы, проблемы (к 1150-летию образования): монография / под общ. ред. Н.И. Дорохова. [Электронное издание]. М.: Изд. «МУ им. С.Ю. Витте», 2014. С. 309–323.
24. *Токарева Е.А.* Печать и государственная власть в Российской империи в начале XX века // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2014. № 4 (20). С. 21–25.
25. *Филиппова Е.И.* Территория идентичности в современной Франции. М.: ФГНУ, 2010. 300 с.
26. *Хомяков Н.Б.* Идентичность, толерантность и идея гражданства // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / под ред. В.С. Магун, Л.М. Дробужековой, И.М. Кузнецова. М.: Институт социологии РАН, 2006. 327 с.

Literatura

1. *Antonova N.V.* Problema lichnostnoj identichnosti v zapadnoj psixologii // Voprosy' psixologii. 1999. № 1. S. 131–143.
2. *Axiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I.* Istoriya Rossii: konecz ili novoe nachalo? М.: Novoe izdatel'stvo, 2005. 446 s.
3. *Bazhenova E.Yu., Orlov S.B.* Mifologema intelligencii: genezis i sovremennoe sostoyanie // Intelligenciya Rossii v konce XX veka: sistema duxovny'x cennostej v istoricheskoy dinamike: mat-ly' Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Ekaterinburg, 1998. S. 23–25.
4. *Brubejker R., Kuper F.* Za predelami identichnosti // Mify' i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i nacionalizma. М.: Novoe izdatel'stvo, zhurnal «Ab Imperio», 2010. S. 143–157.
5. *Buldakov V.L.* Imperstvo i rossijskaya revolyucionnost' (Kriticheskie zametki) // Otechestvennaya istoriya. 1997. № 2. S. 31–39.
6. *Gasparov M.L.* Intellektualy', intelligenty', intelligentnost' // Russkaya intelligenciya. Istoriya i sud'ba. М.: Nauka, 2000. S. 5–13.
7. Grazhdanskaya identichnost' i sfera grazhdanskoj deyatelnosti v Rossijskoj imperii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka. М., 2007. 304 s.
8. Grazhdanskaya identichnost' rossijskoj intelligencii v konce XIX – nachale XX vv. М.: Novy'j xronograf, 2013. 296 s.
9. Grazhdanskoe obshhestvo: teoriya, istoriya, sovremennost'. М.: Izdatel'stvo Instituta sociologii RAN, 1999. 165 s.
10. Grazhdanskoe obshhestvo Rossii: perspektivy' XXI veka. SPb.: NIIX SPbGU, 2000. 264 s.
11. Grazhdanskoe obshhestvo: istoki i sovremennost' / pod red. I.I. Kal'nogo, I.N. Lopushanskogo. SPb., 2002. 492 s.
12. *Zimina V.D.* Intelligenciya v politicheskix processax Rossii nachala XX veka. Volgograd: Izd. Volgogradskoj akademii gos. sluzhby', 1999. 101 s.
13. *Kondakov I.V.* K fenomenologii russkoj intelligencii // Russkaya intelligenciya. Istoriya i sud'ba / sost. Т.Б. Князевская. М.: Nauka, 2000. S. 63–90.

14. *Malaxov V.S.* Neudobstva s identichnost'yu // *Voprosy' filosofii*. 1998. № 2. S. 29–37.
15. *Marasinova E.N.* Vlast' i lichnost' (Ocherki russkoj istorii XVIII veka). M.: Nauka, 2008. 458 s.
16. *Modeli obshhestvennogo pereustrojstva Rossii. XX vek / pod red. V.V. Shelohaeva.* M.: Nauka, 2004. 607 s.
17. *Modernizaciya Rossii i konflikt celostnostej.* M.: Institut filosofii RAN, 1994. 157 s.
18. *Nabokina M.E.* Strukturny'e i organizacionny'e osobennosti Moskovskogo religiozno-filosofskogo obshhestva pamyati Vladimira Solov'eva // *Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 2013. № 1 (11). S. 50–56.
19. *Panarin A.S.* Rossiya v ciklax mirovoj istorii. M.: Izd. Moskovskogo universiteta, 1999. 367 s.
20. *Russkaya intelligenciya. Istoriya i sud'ba / sost. T.B. Knyazevskaya.* M.: Nauka, 2000. 423 s.
21. *Simonova O.A.* K formirovaniyu sociologii identichnosti // *Sociologicheskij zhurnal*. 2008. № 3. S. 17–24.
22. *Sokolov K.B.* Mify' ob intelligencii i istoricheskaya real'nost' // *Russkaya intelligenciya. Istoriya i sud'ba / sost. T.B. Knyazevskaya.* M.: Nauka, 2000. S. 149–208.
23. *Tokareva E.A.* Intelligenciya i vlast' v Rossii. Osnovny'e podxody' k izucheniyu // *Istoriya gosudarstva Rossijskogo: istoki, processy', problemy' (k 1150-letiyu obrazovaniya): monografiya / pod obshh. red. N.I. Doroxova.* [E'lektronnoe izdanie]. M.: Izd. «MU im. S.Yu. Vitte», 2014. S. 309–323.
24. *Tokareva E.A.* Pechat' i gosudarstvennaya vlast' v Rossijskoj imperii v nachale XX veka // *Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 2014. № 4 (20). S. 21–25.
25. *Filippova E.I.* Territoriya identichnosti v sovremennoj Francii. M.: FGNU, 2010. 300 s.
26. *Xomyakov N.B.* Identichnost', tolerantnost' i ideya grazhdanstva // *Grazhdanskie, e'tnicheskie i religiozny'e identichnosti v sovremennoj Rossii / pod red. V.S. Magun, L.M. Drobizhevoj, I.M. Kuzneczova.* M.: Institut sociologii RAN, 2006. 327 s.

E.A. Tokareva

The Russian Artistic Intelligentsia and Power: Some Questions of Theory and History of Studies

This article analyses some theoretical and methodological issues of studying the relations between Russian artistic intelligentsia and power. The author emphasizes the need for serious scientific analysis of the mechanisms of socio-cultural modernization in Russia's history, establishing of a link between the development of civil society and the development of the intellectual professions in the practical field of civil and creative publicity.

Keywords: socio-cultural modernization; self-consciousness, self-identity and value orientations of artistic intelligentsia; civil and professional identity of the intelligentsia.